

Европа на перепутье

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Гуидо Ла Барберы “Guerre della crisi dell’ordine”.

Оценка перспектив Китая сама по себе является частью глобального противостояния; предсказания и *политические цифры* относительно китайского цикла и реструктуризации стали оружием международной борьбы. Раджа Мохан в *Indian Express* заходит так далеко, что утверждает, что «*относительный экономический упадок*» Китая формирует в Азии альтернативу «*китаецентричному порядку*». Более быстрый рост Индии, Индонезии, Вьетнама или Филиппин предполагает реальную возможность создания «*многополярной Азии*», где Дракон уравнивается «*большим азиатским ближним зарубежьем*». Восхождение Пекина впечатляет, но «*пределы его могущества*» также стали очевидны; динамика других держав в регионе предполагает возможность «*внутренне сбалансированного региона*».

Эта гипотеза обсуждается в Соединённых Штатах, в частности, её выдвигает Уолтер Рассел Мид, желая обособить дискуссию о восхождении Китая от разговоров о неизбежности войны. Для Вашингтона, по всей видимости, речь идёт о проблеме обеспечения эффективного сдерживания Пекина – оно действительно не гарантировано – в предстоящем десятилетии в ожидании формирования нового регионального баланса; для Нью-Дели это, пожалуй, проблема использования возможности, гарантирующей внутреннее развитие и приток международного капитала. Похоже, что Мохан также даёт собственное, возможно, несколько отличное от оригинала прочтение заявленного Нарендрой Моди *возвращения в Бхарат*: если Индия хочет понять «*происходящее изменение соотношения сил*», то она должна сохранять спокойствие, опираться на собственную силу и «*избегать националистического высокомерия, которое подточило успехи Китая*».

Если колебания Запада заставляют Пекин чувствовать себя сильнее во внешней политике, то «*замедляющаяся экономика может стать обременяющим обстоятельством*», так думают авторы рубрики Chaguan в *The Economist*. Си, вероятно, делает ставку на «*нелиберальный, основанный на интересах порядок*», но британский еженедельник признаёт, что формулы «*справедливого и упорядоченного многополярного порядка*» и «*инклюзивной, беспроеигрышной экономической глобализации*» находят поддержку «*широкого большинства стран*», о которых, как мы видели, говорил Фёдор Лукьянов.

В отличие от Москвы, которая под влиянием *атлантического момента украинской войны* стремится представить ЕС полностью взявшим равнение на США, Пекин, как мы отмечаем, всегда тщательно подчёркивает значение любых признаков *стратегической автономии* с европейской стороны. Сами формулы *инклюзивной глобализации* и *многополярного порядка*, отмечается в Chaguan, в действительности выглядят как своего рода «*упреждающая атака*» в связи с возможным вторым президентством Трампа. Возврат к трамповскому унилатерализму, в очередной раз отметим мы, легко возродит в Европе франко-германскую линию на суверенитет, и это подтвердит возможное сближение ЕС и Китая, от которого никогда не отказывались, для реконфигурированной глобализации. Спустя 60 лет после признания маоистского Китая Францией Шарля де Голля, первой из крупных западных стран, бывший директор ВТО Паскаль Лами на страницах *Global Times* заявил о том, что Франция, ЕС и Китай разделяют видение «*многополярного мира*», в котором великие державы сотрудничают на основе «*общих правил*».

Две публикации французских и немецких источников замыкают круг. Йозеф Брамль, секретарь немецкой группы Трёхсторонней комиссии, в прошлом член SWP (Фонда науки и политики) и директор программы американских исследований DGAP (Немецкого общества внешней политики), опубликовал в начале 2022 года книгу “Трансатлантическая иллюзия”, в которой явно высказался в пользу европейской стратегической автономии. Суть “трансатлантической иллюзии” заключается именно в том, что Соединённые Штаты, как и в прошлом, будут гарантировать европейскую безопасность и разделять её интересы; Дональд Трамп – это не случайность истории, а признак глубокой тенденции, которая наметилась уже давно.

Что касается обороны, то речь идёт о «*движении в направлении независимой от Америки обороноспособности Европы с долгосрочной целью создания паритетного альянса*». Что

касается экономических отношений, то, в отличие от США, Германия не видит в Китае «экзистенциальной угрозы». Однако необходимо осознать, что «цепочки стоимостей и торговые отношения стали оружием, объектом геостратегических амбиций; взаимозависимость теперь является причиной агрессии». Поскольку Германия «является одной из самых взаимозависимых и, следовательно, самых уязвимых экономик в мире», «чтобы не пострадать от мирового конфликта между Китаем и США и утвердить себя в новом мировом порядке», ей следовало бы опереться на «сильную и способную к действию» Европу.

В торговой политике ЕС следовало бы использовать размеры своего рынка, стремясь к созданию сети двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле, которые открыли бы альтернативные рынки, не зависящие от США, и экспортировали бы «европейские нормы и стандарты». Что касается ВТО, то, если Вашингтон продолжит бойкот её «трибунала», Европе придётся «продвигать многостороннюю систему разрешения споров без США».

В области оборонной политики Брамль приписывает Питеру Аммону, бывшему послу Германии в Вашингтоне и Лондоне, поддержку «радикального европейского решения» – полной интеграции Франции и Германии, а также единой оборонной политики, включая французские ядерные силы, чтобы сформировать ядро автономной обороны Союза, в которой Европа сможет действовать в «геополитическом» плане на основе собственной «великой стратегии». Критика «совместного использования ядерного оружия» с Соединёнными Штатами, по существу, имеет под собой основу во французской концепции *force de frappe*¹, а также в вызове Гельмута Шмидта стратегическому планированию НАТО. С помощью этой «географически расширенной формы ядерного сдерживания» США перемещают возможное место военной конфронтации и разрушения на другое побережье Атлантики, в Европу; в то же время они обеспечивают себя «мощными рычагами», которые полезны для политического и экономического использования этого «обещания защиты».

И наконец, в отношении России в тексте был допущен существенный промах: в вышедшей в печать незадолго до нападения на Украину книге предлагалось сочетать экономическое взаимодействие и сдерживание Москвы, а политика Владимира Путина определялась как «существенно предсказуемая», поскольку она основывалась на «холодном расчёте» политического реализма. Исходя из этого можно судить о том, как 24 февраля 2022 года в немецких дебатах пронеслась мысль о связи между европейской стратегической автономией по отношению к Парижу и *Ostpolitik* в отношении Москвы.

В 2023 году был опубликован новый текст Брамля, написанный в соавторстве с американцем Мэтью Берроузом, многолетним сотрудником Госдепартамента и ЦРУ, который, однако, стал главным героем полемики с Атлантическим советом по поводу санкционной политики в отношении России. Книга «Die Traumwandler» («Сомнамбулы») имеет подзаголовок «Как Китай и США сползают к мировой войне». Структура такая же, как и в «Трансатлантической иллюзии»: несмотря на войну, утверждается, что «попытка изолировать Путина провалилась», и подтверждается, что Россия должна быть вовлечена в европейские рамки безопасности; уже просматривается негативный сценарий «новой биполярности» между США и Китаем, преддверие катастрофической «третьей мировой войны». Именно Европа должна «спасти многосторонний подход», сохранив его, пока США и Китай, в какой-то мере «два раненых гиганта», будут искать выход. Любопытно, что, учитывая участие Берроуза в тексте, это должно происходить за счёт стратегического использования евро в ущерб доллару. Американская валюта остаётся сильной, но она находится на «вулкане», ей угрожает неконтролируемый дефицит и долги; большой рынок еврооблигаций может выступать в качестве альтернативы доллару, а сильный евро может обеспечить безопасность ЕС против США и Китая; европейцы могли бы стратегически инвестировать в собственный долг и «в экономическое и военное перевооружение Европы», вместо того чтобы поддерживать неконтролируемые дисбалансы США.

Бруно Тертрэ из Фонда стратегических исследований и Института Монтеня в своей работе «La guerre des mondes»² отстаивает иной стратегический сценарий – противостояние не между «блоками», а между стратегическими «семьями» с подвижными контурами. Будучи смесью идеологии и реализма, этот текст весьма полезен тем, как он перегруппирует большую часть материала, находящегося в обращении на новом этапе «кризиса порядка».

Существует «либеральная семья, выступающая за самоопределение наций, и антилиберальная, оспаривающая понятие сфер влияния; две модели капитализма – меритократическая и этатистская». В этой «войне миров» нации с «антропологически разными» чертами противостоят друг другу: «С одной стороны, более современные общества, характеризующиеся равным воспитанием, приматом личности, культурным прогрессизмом. С другой – большинство человечества, более традиционные общества, где доминирует патрилинейная семья, где коллектив имеет приоритет над личностью, отмеченные культурным консерватизмом».

Две «семьи», а именно: «Одна – евроатлантическая и индо-тихоокеанская, скорее либеральная, становым хребтом которой может стать альянс англоязычных морских держав. Другая – континентальная и евразийская, скорее авторитарная, с доминированием китайско-российской оси». Это грубое разграничение, потому что, утверждает Франсуа Эйсбур, как и во времена холодной войны, «можно быть стратегически в западном лагере, а политически – в авторитарном».

Что касается трансатлантических отношений, то, по мнению Тертрэ, о них существуют три ошибочных представления: французское, исходя из которого неизбежен факт того, что Америка покинет Европу; немецкое, в соответствии с которым Америка всегда будет рядом; польское, для которого лучшей гарантией является наличие американских баз на своей территории. Кризисы вновь пробудили Европу. Кризис евро запустил банковский союз; миграционный кризис вернул реализм в отношении прав на убежище; Трамп заставил осознать пределы военной зависимости от Вашингтона; Covid привёл к гамильтоновскому моменту, сняв табу на объединение долгов; война на Украине разорвала энергетическую связь с Россией и побудила к политике косвенной военной поддержки Киева. Кроме того, ЕС противостоит Китаю, «системному сопернику», и его инвестициями: похоже, он способен избежать «стратегической подчинённости», ему следует избавиться от страха, что «США отвернутся от него, если он будет стремиться к независимости».

С Америкой должен поддерживаться «трезвый альянс», альтернативы нет: «Трансатлантическая связь сохраняет несравнимое значение. Атлантика по-прежнему является центром мира с точки зрения торговли услугами и финансовых потоков. После 2010 года Европа увеличила сток казначейских облигаций США в три раза, в то время как Китай сократил их, и всё чаще покупает газ в Америке. Военная интеграция между двумя сторонами Атлантики в рамках НАТО имеет аналог только в отношениях между США и Южной Кореей. Американские и европейские силы сотрудничают в Африке, на Среднем Востоке и в Индо-Тихоокеанском регионе. Европа не исчезла из американской стратегической культуры. [...] И американские базы в Европе остаются ключом к проецированию силы США на Среднем Востоке и в Центральной Азии [...]. Произошло “стратегическое воссоединение”»; «Америка подтвердила свои европейские обязательства, а Европа достигла геополитической зрелости».

В мире, который не является «биполярным», но и не «многополярным» в смысле центров силы с равным весом, будет идти война за влияние, в которой слабая Москва и сильный Пекин будут пытаться привлечь на свою сторону государства глобального Юга. Будет конфронтация, но иногда и сотрудничество; чем сильнее вырастет мощь Китая, тем больше он будет заинтересован в стабильной международной системе, свободе навигации и нераспространении ядерного оружия. Будут сочетаться 1910-е годы с соперничеством между империями, 1930-е – с угрозой фашистских государств, 1950-е – с холодной войной.

С помощью формулы, обязанной тезисам Раймона Арона – «невозможный мир, невероятная война», – Тертрэ разделяет с историком Пьером Гроссером идею о том, что мировая война остаётся «возможной, но маловероятной», а холодная война – «возможной и вероятной». Глобализация и свободная торговля продолжают, «регионализованная глобализация» найдёт баланс между либерализмом и протекционизмом. Мир без королей; согласно формуле Пьера Хасснера, мир «относительной силы».

Перспектива – затяжное испытание на прочность. «Война будет иногда горячей на границах неоимперий, как сегодня на Западе, а иногда холодной, как сейчас на Востоке. Короче говоря, война будет “тёплой”, с периодическими региональными кризисами и ограниченными конфликтами, но, вероятно, будет оставаться умеренной», хотя бы благодаря ядерному

сдерживанию. *«Эта конфронтация двух миров может продлиться несколько десятилетий, сменяясь стратегическими потрясениями и корректировками».*

Развивая свой анализ между этими двумя перспективами, Брамл выступает за форсирование атлантических отношений, признаков чего в Европе было незаметно, пока нападки Трампа на НАТО не ускорили дебаты о европейском перевооружении. Возможно, Тертраис преувеличивает восстановление стратегических позиций ЕС, но дрейф Вашингтона в сторону от атлантических отношений даже здесь может оказаться сильнее его прогноза. Тертраис, кроме того, рисует слишком идеологическую карикатуру на Москву и Пекин, а также недооценивает сохранение связей как между ЕС и Россией, так и между Германией и Китаем. В совокупности они дают представление о трансатлантических неизвестных в *кризисе порядка*. Образ *тёплой войны* весьма невыразителен, но смысл понятен: перспектива длительной фазы частичных конфликтов уже налицо. То, что большая война маловероятна, возможно, и верно. Но только до времени.

Март 2024 г.

¹ - Сил сдерживания.

² - "Война миров".